

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ

A detailed close-up profile of a gorilla's face, showing its eye, nose, and mouth. The gorilla has dark, textured fur and a contemplative expression. The background is dark, making the gorilla's features stand out.

БИБЛИЯ
ЗАЩИТНИКОВ
ЖИВОТНЫХ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ЮВАЛЯ НОЯ ХАРАРИ

ПИТЕР СИНГЕР

Питер Сингер

Освобождение животных

Издательство «Синдбад»

1975-2009

Сингер П.

Освобождение животных / П. Сингер — Издательство
«Синдбад», 1975-2009

ISBN 978-5-00131-357-1

Освобождение животных – это освобождение людей. Питер Сингер – один из самых авторитетных философов современности и человек, который первым в мире заговорил об этичном отношении к животным. Его книга «Освобождение животных» вышла в 1975 году, совершив переворот в умах миллионов людей по всему миру. Спустя 45 лет она не утратила актуальности. Журнал Time включил ее в список ста важнейших научно-популярных книг последнего столетия. Отношения человека с животными строятся на предрассудках. Те же самые предрассудки заставляют людей смотреть свысока на представителей другого пола или расы. Беда в том, что животные не могут протестовать против жестокого обращения. Рассказывая об ужасах промышленного животноводства и эксплуатации лабораторных животных в коммерческих и научных целях, Питер Сингер разоблачает этическую слепоту общества и предлагает разумные и гуманные решения этой моральной, социальной и экологической проблемы. «Книга «Освобождение животных» поднимает этические вопросы, над которыми должен задуматься каждый. Возможно, не все примут идеи Сингера. Но, учитывая ту огромную власть, которой человечество обладает над всеми другими животными, наша этическая обязанность — тщательно обсудить проблему», - Юваль Ной Харари

ISBN 978-5-00131-357-1

© Сингер П., 1975-2009

© Издательство «Синдбад», 1975-2009

Содержание

Предисловие Юваля Ноя Харари	7
Предисловие к изданию 1975 года	11
Предисловие к изданию 1995 года	15
Благодарности	21
Благодарности к новому изданию	23
Глава 1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Питер Сингер

Освобождение животных

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021.

© 1975, 1990, 2002, 2009 by Peter Singer

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Published by arrangement with *The Robbins Office, Inc.* and *Aitken Alexander Associates Ltd* and *The Van Lear Agency LLC*

This book was published with the support of The Humane League

* * *

Ричарду и Мэри, Роз и Стэну, и особенно Ренате

Это исправленное и дополненное издание посвящается и вам — тем, кто уже изменил свою жизнь во имя освобождения животных. Благодаря вам можно надеяться, что этические доводы окажутся сильнее корыстных интересов нашего вида.

Предисловие Юваля Ноя Харари

ЖИВОТНЫЕ – ГЛАВНЫЕ ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА, а то, как с ними обращаются на агропромышленных фермах, можно отнести к самым ужасным преступлениям в истории.

В 1975 году, когда вышло первое издание книги Питера Сингера «Освобождение животных», эти утверждения, должно быть, казались абсурдными. В наши же дни, во многом благодаря влиянию этой культовой книги, все больше людей находит их разумными или, по крайней мере, достойными обсуждения.

За 40 лет, прошедших с первой публикации «Освобождения животных», ученые стали уделять больше внимания когнитивным способностям и поведению животных, а также их взаимоотношениям с человеком. Их открытия по большей части подтвердили основные тезисы Сингера. Путь прогресса человечества усеян трупами животных. Еще в каменном веке наши предки спровоцировали несколько экологических катастроф. Примерно 45 000 лет назад, когда люди впервые достигли берегов Австралии, они быстро уничтожили 90 % местной крупной фауны. Это был первый серьезный удар *Homo sapiens* по экосистеме планеты. Но далеко не последний.

Около 15 000 лет назад люди колонизировали Америку, истребив в процессе 75 % крупных млекопитающих этой части света. Огромное число других видов вымерло в Африке, Евразии и на многочисленных прибрежных островах. Археологические находки со всех концов света рисуют перед нами одну и ту же печальную картину. В первом акте трагедии мы видим богатые и разнообразные популяции крупных животных без каких-либо следов деятельности *Homo sapiens*. Во втором акте появляются люди, о чем свидетельствует окаменелая кость, наконечник копья или, например, следы от костра. Затем следует третий акт, в котором мужчины и женщины уже выходят на первый план, а большинство крупных животных и множество мелких сходят со сцены. Сапиенсы стерли с лица земли около 50 % всех крупных наземных млекопитающих еще до того, как засеяли первое пшеничное поле, изготовили первый металлический инструмент, записали первый текст и отчеканили первую монету.

Следующей крупной вехой в отношениях между людьми и животными стала сельскохозяйственная революция, в ходе которой мы превратились из кочующих охотников и собирателей в оседлых земледельцев. Это привело к появлению совершенно новой для нашей планеты формы жизни – одомашненных животных. Изначально это достижение не выглядело особенно значимым: ведь людям удалось одомашнить менее 20 видов млекопитающих и птиц, а многие тысячи видов остались дикими. Но шли века, и эта новая форма жизни стала доминирующей. Сегодня более 90 % всех крупных животных относятся к одомашненным. Возьмем, к примеру, курицу. Десять тысяч лет назад она была редкой птицей, обитающей лишь в некоторых областях Южной Азии. Сегодня миллиарды кур живут почти на всех континентах и островах, кроме разве что Антарктиды. Домашняя курица – наверное, самая распространенная птица в истории планеты Земля. Если оценивать успех вида по численности особей, то куры, коровы и свиньи – самые успешные животные в мире.

Увы, одомашненные виды заплатили за свой колоссальный коллективный успех невероятными индивидуальными страданиями. Представители царства животных миллионы лет знали боль и мучения в самых разных проявлениях. Но сельскохозяйственная революция породила совершенно новые виды страдания, которые от поколения к поколению становились все тяжелее.

На первый взгляд может показаться, что домашним животным живется куда лучше, чем их диким предкам и современным диким сородичам. Дикие буйволы каждый день вынуждены искать еду, воду и укрытие, им постоянно угрожают львы, паразиты, наводнения и засухи. Домашний же скот, напротив, получает от человека заботу и защиту. Люди обеспечивают коров

и телят едой, водой и кровом, лечат их, защищают от хищников и природных катастроф. Да, большинству коров и телят уготован конец на скотобойне. Но разве от этого их судьба становится хуже, чем у диких буйволов? Разве лучше быть съеденным львом, чем убитым человеком? Неужто зубы крокодила приятнее стальных лезвий?

Нет, жестокость по отношению к сельскохозяйственным животным проявляется не в том, как их убивают, а в том, как их содержат. Условия их жизни складываются под влиянием двух противоречивых факторов: с одной стороны, людям нужны мясо, молоко, кожа, мускульная сила животных и развлечения; с другой – людям необходимо обеспечить выживание и воспроизводство сельскохозяйственных животных в долгосрочной перспективе. Теоретически это должно защищать животных от излишней жестокости. Если фермер будет доить корову, но не будет ее кормить и поить, у нее быстро закончится молоко и она умрет. К сожалению, люди причиняют сельскохозяйственным животным невероятные страдания иными способами – даже когда гарантируют их выживание и воспроизводство. Корень проблемы в том, что одомашненные животные унаследовали от своих диких предков различные физические, эмоциональные и социальные потребности, которые не удовлетворяются на сельскохозяйственных фермах. Фермеры обычно игнорируют эти нужды, и это не влечет для них никаких убытков. Они держат животных в тесных клетках, отрезают им рога и хвосты, отлучают матерей от потомства и сознательно культивируют уродства. Животные тяжело страдают, но продолжают жить и размножаться.

Не противоречит ли это основным принципам дарвиновской эволюции? Согласно теории эволюции, все инстинкты, побуждения и эмоции развились для обеспечения выживания и воспроизводства. Если так, то не говорит ли постоянное воспроизводство сельскохозяйственных животных о том, что все их реальные потребности удовлетворяются? Разве у коровы могут быть «потребности», которые не нужны для выживания и воспроизводства?

Бесспорно, все инстинкты, побуждения и эмоции развились под давлением эволюционной потребности в выживании и размножении. Но когда это давление исчезает, уже сформировавшиеся инстинкты, побуждения и эмоции не угасают одномоментно. Даже если они больше не требуются для выживания и размножения, они продолжают определять субъективный опыт животного. Физические, эмоциональные и социальные потребности современных коров, собак и людей отражают не столько нынешние условия, сколько то эволюционное давление, с которым сталкивались их предки десятки тысяч лет назад. Почему современные люди так любят сладости? Вовсе не потому, что сейчас, в начале XXI века, для выживания нам необходимо в огромных количествах поглощать мороженое и шоколад. Дело, скорее, в том, что когда наши предки из каменного века находили сладкие спелые фрукты, самым разумным для них было съесть как можно больше таких плодов – и как можно быстрее. Почему молодые люди часто лихо водят машину, ввязываются в жестокие драки и взламывают защищенные сайты? Они подчиняются не нынешним правилам, которые как раз запрещают подобные действия, а древним генетическим законам. 70 тысяч лет назад молодой охотник, который рисковал жизнью в погоне за мамонтом, затмевал всех конкурентов и получал руку местной красавицы – и сегодня мы имеем дело с его брутальными генами.

Та же эволюционная логика применима к жизни коров и телят на агропромышленных фермах. В древности дикий рогатый скот вел социальную жизнь. Чтобы выживать и размножаться, особям нужно было эффективно общаться, сотрудничать и конкурировать. Как и все общественные животные, они осваивали нужные социальные навыки в процессе игр. Щенки, котята, телята и дети любят играть, потому что этого требует от них эволюция: иначе им не овладеть социальными навыками, необходимыми для выживания и воспроизводства. Если бы котенок или теленок родился с какой-то редкой мутацией, которая сделала бы его равнодушным к играм, ему вряд ли удалось бы выжить и произвести потомство – как и в том случае, если бы его предки в свое время не обрели навыки, которыми раньше не владели. Точно так же

эволюция наделила щенят, котят, телят и детей острым желанием ощущать связь с матерью. Случайная мутация, ослабляющая связь матери и ребенка, была смертным приговором.

Что же происходит, когда современный фермер берет молодую телку, отлучает ее от матери, помещает в тесный загон, прививает от разных болезней, кормит и поит, а когда она подрастет, искусственно осеменяет бычьей спермой? По большому счету этой телке для выживания и воспроизводства уже не нужны ни связь с матерью, ни партнеры по играм. Ее хозяйева – люди – позаботились обо всех ее реальных потребностях. Но с субъективной точки зрения телка все еще испытывает сильную потребность быть рядом с матерью и играть с другими телятами. И если эти потребности не удовлетворяются, она страдает.

Это азы эволюционной психологии: потребность, сформировавшаяся за тысячу поколений до нынешнего времени, продолжает субъективно ощущаться, даже если она больше не служит выживанию и воспроизводству. К несчастью, в ходе сельскохозяйственной революции люди научились обеспечивать выживание и размножение одомашненных животных без учета их субъективных потребностей. Сегодня одомашненные животные – самые успешные животные в мире с коллективной точки зрения, но самые несчастные в истории с точки зрения каждой отдельной особи.

За последние несколько веков, когда традиционное сельское хозяйство уступило место промышленному, ситуация лишь усугубилась. В традиционных обществах, таких как Древний Египет, Римская империя и средневековый Китай, люди мало смыслили в биохимии, генетике, зоологии и эпидемиологии, а их способности к ведению сельского хозяйства были довольно скромными. В средневековых деревнях куры свободно бегали между домами, клевали семена и червяков на мусорных кучах и вили гнезда в сараях. Если бы предприимчивый крестьянин решил загнать тысячу кур в переполненный курятник, это наверняка вызвало бы смертельную эпидемию птичьего гриппа, который погубил бы всех птиц и многих селян. Предотвратить эпидемию не удалось бы ни священнику, ни шаману, ни ведьме-знахарке. Но когда ученые раскрыли тайны вирусов и антибиотиков, люди стали создавать для животных суровые условия жизни. С появлением вакцинаций, медикаментов, гормонов, пестицидов, систем центрального кондиционирования, автоматических кормушек и множества других изобретений стало возможно втискивать в тесные курятники десятки тысяч птиц и производить мясо и яйца с невероятной эффективностью.

Судьба животных в таких промышленных комплексах – одна из самых актуальных этических проблем нашего времени, особенно учитывая ее масштабы. Сегодня большинство крупных животных нашей планеты живет на промышленных фермах. Мы привыкли думать, что Земля заселена львами, слонами, китами и пингвинами. Возможно, таков мир канала *National Geographic*, фильмов компании *Disney* и детских сказок, но в реальном мире это давно не так. На Земле живет 40 тысяч львов и 1 миллиард домашних свиней; 500 тысяч слонов и 1,5 миллиарда коров; 50 миллионов пингвинов и 20 миллиардов кур.

В 2009 году в Европе насчитывалось 1,6 миллиарда диких птиц всех видов. В том же году европейские производители мяса и яиц содержали 1,9 миллиарда кур. Все одомашненные животные мира в сумме весят около 700 миллионов тонн, в то время как суммарный вес людей составляет 300 миллионов тонн, а крупных диких животных – менее 100 миллионов (крупными считаются животные, которые весят хотя бы несколько килограммов).

Вот почему судьба сельскохозяйственных животных – первостепенный этический вопрос. Он касается большинства крупных существ на Земле – десятков миллиардов способных чувствовать созданий, каждое из которых испытывает сложные ощущения и эмоции, но заканчивает жизнь на промышленном конвейере. Если Питер Сингер прав, то промышленное сельское хозяйство принесло в мир больше боли и страданий, чем все войны в человеческой истории, вместе взятые.

Научные исследования, посвященные животным, до недавних пор играли довольно зловещую роль в этой трагедии. Научное сообщество использует постоянно растущий массив знаний о животных в основном для того, чтобы более эффективно распоряжаться их жизнями в угоду человеку и его потребностям. Однако все те же исследования показывают, что сельскохозяйственные животные – это наделенные чувствами существа с развитыми социальными отношениями и сложными поведенческими моделями. Они, возможно, не так умны, как мы, но определенно знают, что такое боль, страх, одиночество и любовь. Они тоже могут страдать – и тоже могут быть счастливыми.

Пришло время отнестись к этим научным открытиям серьезно: ведь с развитием человеческих способностей расширяются и наши возможности приносить другим животным пользу или причинять вред. Четыре миллиарда лет жизнь на Земле определялась естественным отбором. Сейчас она все больше подчиняется разумному замыслу человека. Развитие биотехнологий, нанотехнологий и искусственного интеллекта вскоре позволит нам изменять свои и чужие жизни принципиально новыми способами. Даже сам смысл жизни может быть переопределен. Конструируя этот дивный новый мир, мы обязаны думать о благополучии всех чувствующих существ, а не только *Homo sapiens*.

Книга «Освобождение животных» поднимает этические вопросы, над которыми должен задуматься каждый. Возможно, не все примут идеи Сингера. Но, учитывая ту огромную власть, которой человечество обладает над всеми другими животными, наша этическая обязанность – тщательно обсудить проблему.

Предисловие к изданию 1975 года

ЭТО КНИГА О ТИРАНИИ, которую человек установил над другими животными. Такая тирания вызывала и продолжает вызывать боль и страдания, по масштабам сравнимые разве что со страданиями чернокожих, которых веками угнетали белые люди. Бороться с этой тиранией не менее важно, чем решать любые другие моральные и социальные проблемы из тех, что обсуждаются в последние годы.

Большинство читателей сочтет, что в предыдущем абзаце содержатся нелепые преувеличения. Пять лет назад я и сам бы лишь посмеялся над фразами, которые сейчас пишу совершенно серьезно. Пять лет назад я еще не знал того, что знаю сейчас. Если вы внимательно прочтете эту книгу, уделив особое внимание второй и третьей главам, то узнаете о проблемах угнетения животных столько, сколько вообще можно узнать из книги приемлемой толщины. Тогда-то вы и сможете судить о том, были ли в первом абзаце преувеличения – или же в нем трезво оценивалась ситуация, о которой широкой аудитории почти ничего не известно. Итак, я не требую от вас сразу принимать мои слова на веру. Все, о чем я прошу, – отложить ваш вердикт до того момента, как вы дочитаете книгу.

Вскоре после начала работы над книгой нас с женой (тогда мы жили в Англии) пригласила на чай дама, которая где-то услышала, что я собираюсь писать о животных. Сама она, по ее словам, очень интересовалась животными, а ее подруга даже написала книгу о животных и очень, *очень* хотела с нами встретиться.

Когда мы приехали, эта подруга уже сидела у хозяйки и определенно жаждала поговорить о животных. Для начала она заявила: «Я очень люблю животных. У меня собака и две кошки, и, знаете, они отлично ладят. Вы знакомы с миссис Скотт? Она открыла небольшую клинику для домашних животных...» Дальше она уже не умолкала, пока нам не принесли закуски. Тут она взяла сэндвич с ветчиной и спросила, какие питомцы живут у нас.

Мы сказали, что животных у нас нет. Она немного удивилась и откусила от сэндвича. Хозяйка дома, закончив с подачей еды, присоединилась к разговору: «Но ведь вы интересуетесь животными, мистер Сингер?»

Мы попытались объяснить, что нас интересует предотвращение боли и мучений; что мы боремся с произвольной дискриминацией; что мы против причинения бессмысленных страданий другим существам, даже если они не относятся к нашему виду; говорили, что нас возмущает безжалостное обращение с животными и что мы хотим изменить ситуацию. А в остальном, добавили мы, мы не особенно интересуемся животными. Ни я, ни жена не были такими страстными любителями собак, кошек или лошадей, как многие другие люди. Мы не «любили» животных. Мы просто хотели, чтобы с ними обращались достойно – как с независимыми, обладающими чувствами существами, а не как со средством удовлетворения человеческих потребностей, каковым стала та свинья, чье мясо пошло на сэндвичи.

Эта книга – не о домашних питомцах. Ее вряд ли будет приятно читать тем, чья любовь к животным ограничивается поглаживанием кота или кормлением птиц в парке. Она адресована скорее тем людям, которые выступают против любого угнетения и эксплуатации и которые понимают, что основной моральный принцип равенства применим не только к представителям нашего вида. Само предположение, что интерес к таким проблемам могут проявлять только «любители зверушек», показывает полное отсутствие понимания того, что моральные нормы, действующие в отношении людей, должны распространяться и на других животных. Никто, кроме расистов, любящих называть своих оппонентов «негролюбями», не станет утверждать, что для обеспокоенности дискриминацией расовых меньшинств нужно любить их представи-

телей или считать их милыми и симпатичными. Тогда почему такие выводы делаются о людях, которые стремятся улучшить положение животных?

Изображать тех, кто протестует против жестокости по отношению к животным, сентиментальными и эмоциональными «любителями зверушек» – значит исключать проблему обращения с животными из политической повестки и серьезных моральных дискуссий. Нетрудно понять, почему это происходит. Если бы мы действительно внимательно изучили проблему – например, тщательно проанализировали бы условия, в которых животные содержатся на современных «промышленных фермах», – мы уже не смогли бы спокойно есть сэндвичи с ветчиной, ростбиф, жареных цыплят и прочие блюда из нашего рациона, о которых мы предпочитаем не думать как о мертвых животных.

В этой книге нет сентиментальных призывов посочувствовать «милым зверушкам». Забой на мясо лошадей или собак возмущает меня не больше, чем забой свиней. Когда Министрство обороны США выяснило, что тестирование отравляющих газов на биглях вызывает массовые протесты, и решило заменить биглей крысами, это не принесло мне никакого удовольствия.

Эта книга – попытка тщательно и последовательно изучить вопрос о том, как следует обращаться со всеми животными, не относящимися к нашему виду. В процессе анализа вскрываются предрассудки, которые лежат в основе нашего поведения и отношения к животным. В главах, посвященных тому, как это отношение проявляется на практике (как животные страдают от тирании людей), есть места, которые должны вызвать определенные эмоции. Не скрою: я надеюсь, что этими эмоциями будут гнев и возмущение – а также решимость что-то изменить в описанных подходах. Однако нигде в этой книге я не буду упираться на одни лишь эмоции читателя без апелляции к здравому смыслу. Когда необходимо описать что-то малоприятное, нечестно пытаться сделать это нейтрально, скрывая истинное положение дел. Нельзя беспристрастно и безэмоционально писать об экспериментах, которые ставили над «недочеловеками» «врачи» в нацистских концлагерях; то же относится и к описанию некоторых экспериментов, которые сегодня проводятся в американских, британских и других научных лабораториях. Однако причина возмущения теми и другими экспериментами заключается вовсе не в эмоциях – она связана с базовыми моральными принципами, которые разделяем мы все, а распространить эти принципы на жертв всех этих экспериментов требует здравый смысл, а не эмоции.

Название этой книги выбрано не случайно. Любое освободительное движение требует положить конец предрассудкам и дискриминации на основе произвольных характеристик, таких как раса или пол. Классический пример – движение *Black Liberation* («Освобождение черных»). Его популярность и первые, пусть и небольшие успехи способствовали появлению аналогичных организаций, выступающих за права других угнетенных групп. Вскоре возникли движения за права геев, американских индейцев и испаноязычных американцев. Когда о себе заявила группа, составляющая большинство, – женщины, то многие сочли, что это уже конец пути. Было объявлено, что дискриминация по признаку пола – последний общепризнанный и открыто практикуемый вид дискриминации, существующий даже в тех либеральных кругах, которые уже долгое время гордятся свободой от предрассудков в отношении расовых меньшинств.

Однако слова «последний оставшийся вид дискриминации» всегда стоит произносить с осторожностью. Если освободительные движения хоть чему-то нас научили, то прежде всего тому, что очень сложно выявить скрытые предрассудки в нашем отношении к тем или иным группам, пока нам специально на них не укажут.

Движение за освобождение требует от нас расширения моральных горизонтов. Подходы, которые прежде считались естественными и неизбежными, в один прекрасный момент оказы-

ваются следствием необоснованных предрассудков. Кто возьмется с уверенностью утверждать, что все его действия правомерны и оправданны и ни одно из них не может вызывать вопросы? Если мы не хотим оказаться в числе угнетателей, следует пересмотреть отношение ко всем прочим группам, в том числе к крупнейшим. Нужно взглянуть на наши убеждения с позиции тех, кто от них страдает, и судить об этих убеждениях по действиям, которые они порождают. Если мы сделаем такой непривычный мысленный скачок, то можем обнаружить, что все наши действия и методы постоянно приносят выгоду одной и той же группе – обычно той, к которой принадлежим мы сами, – за счет угнетения другой группы. И тогда станет понятно, что необходимо новое освободительное движение.

Цель этой книги – побудить вас совершить такой мысленный скачок, задумавшись об отношении к очень большой группе существ – представителям видов животных, отличных от *Homo sapiens*. Я уверен, что наше нынешнее отношение к этим существам – следствие долгой истории предрассудков и произвольной дискриминации. Я не вижу никаких оснований, кроме эгоистического желания сохранить привилегии группы эксплуататоров, для отказа от применения принципа равенства к представителям других видов. Я прошу вас осознать, что ваше отношение к другим видам строится на предрассудках столь же предосудительных, как предрассудки на основе пола или расы.

По сравнению с другими освободительными движениями у движения за права животных много ограничений. Первое и самое очевидное из них состоит в том, что представители эксплуатируемой группы не могут сами организовать коллективный протест против жестокого обращения (хотя каждое отдельное животное способно протестовать – и протестует в меру своих способностей). Мы должны выступить от имени тех, кто не может заявить о себе самостоятельно. Всю серьезность этого ограничения нетрудно понять, если задаться вопросом: как долго чернокожим пришлось бы ждать равноправия, если бы они не могли постоять за себя и потребовать уважения? Чем меньше у группы возможностей выступить и самоорганизоваться против угнетения, тем легче ее угнетать.

Однако перспективы движения за права животных больше осложняет тот факт, что почти все представители группы угнетателей непосредственно вовлечены в процесс угнетения и извлекают из него выгоду. Мало кто из людей может взглянуть на проблему угнетения животных беспристрастно – так, как белые северяне в свое время взглянули на институт рабства в южных штатах США. Тем, кто каждый день употребляет в пищу куски убитых животных других видов, сложно поверить, что они поступают неправильно; кроме того, им трудно понять, что же еще, собственно, они могут есть. Таким образом, любой мясоед оказывается заинтересованной стороной. Люди извлекают выгоду (или думают, что извлекают ее) из сложившегося пренебрежения интересами других видов. Из-за этого их крайне сложно переубедить. Многие ли рабовладельцы с Юга прислушались к аргументам аболиционистов с Севера – к тем тезисам, которые сейчас разделяют практически все? Некоторые, но весьма немногие. Я могу попросить вас (и прошу) ненадолго забыть о своей любви к мясу, пока вы будете знакомиться с аргументами, приведенными в этой книге; но по собственному опыту я знаю, что при всем желании сделать это будет непросто. Ведь за позывом поесть мяса стоит многолетняя привычка к мясоедению, которая и обусловила наше отношение к животным.

Привычка. Это последнее препятствие на пути к освобождению животных. Нам предстоит пересмотреть и изменить не только пищевые, но и мыслительные, и языковые привычки. Мыслительные привычки заставляют нас отмахиваться от описаний жестокого обращения с животными и считать их давящими на жалость и нацеленными лишь на «любителей зверушек»; или же эта проблема кажется настолько малозначимой по сравнению с проблемами людей, что ни один разумный человек не будет уделять ей время и внимание. Но это тоже предрассудок – откуда мы знаем, что проблема малозначима, если не уделили ей должного внимания? Хотя в этой книге подробно рассматриваются лишь две из множества сфер, в которых люди застав-

ляют животных страдать, я не думаю, что кто-то, прочитав книгу до конца, продолжит считать проблемы людей единственными достойными внимания и времени.

С когнитивными привычками, которые заставляют нас игнорировать интересы животных, можно бороться, как я борюсь с ними на следующих страницах. Эта борьба должна проявляться и в языке – в моем случае в английском. Английский язык, как и прочие, отражает предубеждения его носителей. Поэтому авторы, желающие пересмотреть стереотипы, сталкиваются с известной проблемой: либо они используют язык, отражающий все те предрассудки, с которыми они намерены бороться, либо им не удастся донести свою точку зрения до читателей. В этой книге я вынужден идти первым путем. Мы по традиции подразумеваем под «животными» животных иных видов, отличных от человека. При таком словоупотреблении человек противопоставляется другим животным: предполагается, что сами мы вовсе не животные, – хотя каждый, кто обладает элементарными познаниями в биологии, понимает, что это не так.

В расхожем употреблении слово «животные» объединяет такие разные создания, как устрицы и шимпанзе, но при этом отделяет шимпанзе от людей, хотя с точки зрения родства обезьяны куда ближе к человеку, чем к устрицам. Поскольку в языке нет отдельного слова для обозначения животного, не являющегося человеком, мне пришлось и в названии книги, и на ее страницах использовать слово «животное» так, как если бы оно не относилось к человеку. Это досадное отступление от стандартов революционной чистоты, но оно, по-видимому, необходимо для успешной коммуникации. Однако иногда, чтобы напомнить вам о том, что слово «животное» употребляется лишь для удобства, я буду использовать более длинные и точные описания существ, которых раньше именовали неразумными созданиями. В остальных случаях я также постараюсь избегать выражений, принижающих животных или искажающих истинную природу пищи, которую мы едим.

Основные идеи «Освобождения животных» очень просты. Я попытался написать информативную книгу, для понимания которой не требуется профессиональная подготовка. Однако начать я решил с изложения тех принципов, на которых строятся мои рассуждения. Хотя ничего сложного в них нет, читатели, не привыкшие к подобному формату, могут счесть первую главу слишком умозрительной. Но не откладывайте книгу. В последующих главах мы рассмотрим малоизвестные подробности того, как наш вид угнетает другие виды. И в этом угнетении, как и в главах, где оно описано, уже ничего умозрительного нет.

Если рекомендации, приведенные в следующих главах, будут учтены, то миллионы животных избавятся от тяжелых страданий. Более того, от этого выиграют миллионы людей. Сейчас, когда я пишу эти строки, во многих уголках мира люди умирают от голода; и эта опасность угрожает еще большему числу жителей планеты. Правительство США заявило, что из-за плохого урожая и сокращения запасов зерна способно оказывать лишь небольшую и недостаточную помощь; но в четвертой главе показано, что в благополучных странах на содержание сельскохозяйственных животных уходит в несколько раз больше пищи, чем производится в результате. Прекратив разводить и забивать животных на мясо, мы получим гораздо больше пищи, которая при разумном распределении избавит от голода и недоедания всю планету. Освобождение животных – это еще и освобождение людей.

Предисловие к изданию 1995 года

ПЕРЕЧИТАВ ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭТОЙ КНИГЕ, я будто вернулся в полузабытый мир. Теперь люди, которые беспокоятся о животных, не предлагают мне сэндвичей с ветчиной. Все активисты движения за освобождение животных – вегетарианцы; но даже среди более консервативных поборников благополучия животных отношение к употреблению животной пищи меняется. Те, кто продолжает есть мясо, испытывают чувство вины и с готовностью предлагают своим гостям, отказавшимся от мяса, другие блюда. Появилось понимание того, что сочувствовать нужно не только собакам и кошкам, но и свиньям, цыплятам и даже лабораторным крысам.

Не знаю, какую роль в этих изменениях сыграла книга «Освобождение животных». В популярных журналах ее называют «Библией движения за права животных». Не скрою, такое определение мне льстит, но в то же время вызывает неловкость. Я не верю в библии: ни одна книга не обладает монополией на правду. Как бы то ни было, никакая книга не сможет ни на что повлиять, если не заденет нужные струны в душе читателей. Движение за права животных стало логическим продолжением освободительных движений 1960-х, а в моей книге в доступной форме были сведены воедино самые разные аргументы. Все остальное сделали прекрасные люди – трудолюбивые и небезразличные к вопросам этики. Сначала их были единицы, затем сотни, впоследствии – тысячи, а теперь, вероятно, миллионы; все они представляют движение за освобождение животных. Я посвящаю им это переработанное издание, поскольку без них первое издание постигла бы участь книги Генри Солта «Права животных», опубликованной в 1892 году и 80 лет пылившейся на полках библиотеки Британского музея, пока новое поколение не сформулировало заново те же тезисы и не выяснило, что все это уже было сказано раньше, но ни к чему не привело.

Но на сей раз доводы не остались без внимания: движение стало слишком масштабным. Уже достигнуты важные результаты, позволившие улучшить положение животных. Но впереди еще много работы. Сейчас движение за права животных стало глобальным, и оно будет заявлять о себе еще долгие годы.

Меня часто спрашивают, доволен ли я тем, какое развитие получило движение. Судя по постановке вопроса, от меня ждут слов о том, что я и не мечтал о таком эффекте, который произвела эта книга. Но они ошибаются. Во всяком случае, в мечтах я представлял, как каждый читатель скажет: «Да, конечно!» – и немедленно станет вегетарианцем, начнет протестовать против грубого обращения с животными, после чего об идеях движения узнает больше людей, и, по крайней мере, самые жестокие и бессмысленные мучения животных прекратятся под неослабевающим давлением социальных протестов.

Конечно, мечты омрачались тем, что я прекрасно видел и препятствия на этом пути: консерватизм, свойственный большинству из нас, когда дело касается желудка; финансовые интересы тех, кто до последнего миллиона будет отстаивать свое право эксплуатировать животных ради получения максимальной прибыли; серьезное влияние истории и традиций, которыми удобно оправдывать такую эксплуатацию. Поэтому я рад, что встретился лично и познакомился благодаря письмам со многими людьми, которые действительно прочли эту книгу, сказали: «Да, конечно!», перестали есть мясо и присоединились к движению за права животных. Еще больше я, конечно, рад тому, что после многолетней упорной борьбы множества людей движение за права животных стало политической и социальной реальностью. Но всего этого явно недостаточно. Это новое издание, по сути, подтверждает, что пока движению почти не удалось повлиять на основные формы эксплуатации животных.

«Освобождение животных» было впервые опубликовано в 1975 году. За этим предисловием следует переработанная версия книги, впервые вышедшая в 1990 году. К тому времени

правки были необходимы по трем основным причинам. Во-первых, во время выхода первого издания движения за освобождение животных не существовало. Сам термин был неизвестен, не было и крупных организаций (да и мелких, вероятно, тоже), которые стремились бы кардинально изменить наше отношение к животным и методы обращения с ними. Через 15 лет стало ясно: в книге под названием «Освобождение животных» было бы странно не упомянуть о соответствующем движении и не рассказать о его деятельности.

Во-вторых, наряду с подъемом современного движения за права животных наблюдалось и увеличение числа публикаций по этой теме – как правило, в них рассматривались тезисы, высказанные в первом издании этой книги. Долгими вечерами я обсуждал с друзьями и коллегами по движению философские и практические вопросы, и мне необходимо было отразить все эти дискуссии в новом издании – в первую очередь, чтобы показать, изменились мои взгляды или нет.

Наконец, вторая и третья главы книги посвящены тому, как наше нынешнее отношение к животным сказывается на тех из них, которые используются в экспериментах и сельском хозяйстве. Спустя несколько лет после выхода первого издания я стал часто слышать высказывания вроде «Конечно, с тех пор положение животных намного улучшилось...». Я понимал, что необходимо описать продолжающиеся страдания животных на фермах и в лабораториях, чтобы указать читателям на факты, которые нельзя списать на старые недобрые времена.

Такие факты составляют большую часть нового материала в переработанном издании. Я не внял советам добавить свидетельства других форм истязаний животных. Фактический материал не должен был перерасти в исчерпывающий отчет об обращении с животными; как я указал в конце первой главы, факты должны были ярко, четко и точно проиллюстрировать проявления видизма, о котором я говорю в первой главе. Да, я отказался от подробного разговора об охоте и отлове, о меховой индустрии, о жестоком обращении с животными-компаньонами, о родео, зоопарках и цирках, однако это не значит, что все эти вопросы менее важны. Просто для достижения цели мне было достаточно сфокусироваться на двух центральных проблемах – связанных с экспериментами и производством пищи.

Я не пытался ответить на все возражения, которые были выдвинуты философами относительно этических аргументов, приведенных в книге: это превратило бы ее в научно-философский трактат, интересный моим коллегам, но утомительный для большинства читателей. Вместо этого я ссылаюсь в соответствующих местах на другие источники, где можно найти ответы на некоторые возражения. Я также переписал один пассаж из заключительной главы: здесь я изменил свое мнение по философскому вопросу, который лишь косвенно относится к этическим основам книги. Что касается самих этих основ, я читал о них лекции, выступал на конференциях и философских семинарах и подробно излагал их в устной и письменной форме – но ни разу не столкнулся с принципиальными возражениями; ничто не заставило меня думать, будто простые этические основания этой книги – пустой звук. И мне приятно, что многие из моих уважаемых коллег с философских факультетов разделяют мою точку зрения, а в рецензии на это переработанное издание Колин Макгинн, выдающийся заведующий кафедрой философии Ратгерского университета, назвал этические тезисы книги убедительными если не с практической, то, по крайней мере, с теоретической точки зрения¹.

В этом издании упоминаются крупнейшие кампании и успехи движения за права животных вплоть до 1990 года. С тех пор появились новые достижения. В конце 1991 года благодаря деятельности ревностных защитников прав животных в Швейцарии было признано незаконным использование клеточных батарей для производства яиц (они описаны в [третьей главе](#)). Теперь швейцарские производители яиц позволяют несушкам ходить по полу, покры-

¹ Colin McGinn, «Eating Animals is Wrong», *London Review of Books*, 24 January 1991, p. 14. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.

тому соломой или другими органическими материалами, и откладывать яйца в крытом отсеке для гнездования с мягким полом. Кто-то скажет, что это всего лишь минимальные удобства, но даже они – значительный шаг вперед по сравнению с условиями, в которых содержатся птицы в других странах: там их заключают в проволочные клетки площадью не больше листа А4. В Великобритании не удалось запретить клеточные батареи, но правительство обещало ликвидировать индивидуальные стойла для свиноматок; их использование станет незаконным с 1998 года. В США протестная кампания против условий выращивания телят на мясо (они также описаны в [третьей главе](#)) привела к тому, что за период с 1986 по 1991 год производство телятины в стране сократилось на 60 %.

Есть и свидетельства того, что во многих странах в лабораторных экспериментах стало использоваться меньше животных. Например, в Великобритании, где имеется официальная статистика по всем «научным процедурам с живыми животными», нисходящий тренд наметился еще в 1970-е, когда за один год проводилось до пяти миллионов экспериментов. Теперь этот показатель недотягивает и до трех миллионов. Последние данные из США не столь надежны, но они также свидетельствуют о сокращении числа экспериментов. Достигнут прогресс и в разработке альтернатив тестированиям на животных: так, руководство Евросоюза учредило в Испре (Италия) Европейский центр валидации альтернативных методов. Страны Евросоюза согласились запрещать любые ингредиенты косметических средств, испытанные на животных после 1 января 1998 года, за исключением тех случаев, когда альтернативные способы испытаний не прошли сертификацию. Кампании против экспериментов на животных достигли успеха в Италии, где в 1993 году правительство приняло прогрессивный закон, дающий всем гражданам право сознательно протестовать против экспериментов на животных. Любой итальянский студент, лаборант, врач и ученый теперь вправе отказаться от участия в экспериментах над животными без каких-либо негативных последствий (таких, как снижение отметок, увольнение или сокращение зарплаты).

Итак, кампания за изменение отношения к животным и методов обращения с ними продолжается по всем фронтам. Недавние вспышки протестов в Великобритании против перевозок сельскохозяйственных животных показали масштабы общественного беспокойства по поводу обращения с ними. История началась в 1994 году, когда три главные паромные компании, занимавшиеся перевозками живых сельскохозяйственных животных из Великобритании в континентальную Европу, решили выйти из бизнеса. По словам пресс-секретаря одной из них, это стало ответом на сотни тысяч писем и открыток². Однако решение этих компаний не положило конец проблеме: мелкие компании попытались извлечь выгоду из отсутствия крупных конкурентов, но тысячи людей вышли на улицу, чтобы выразить свое негодование по поводу живого экспорта. Обычные люди, многие из которых никогда не участвовали ни в каких протестах, перекрыли дороги к портам, откуда телята должны были отправиться в новые стойла – настолько жуткие и тесные, что в Великобритании они были запрещены. Произошла трагедия: одна из демонстранток, Джил Фиппс, погибла под колесами грузовика, перевозившего телят в аэропорт Ковентри. Сейчас, когда я пишу эти строки, протесты продолжаются, несмотря на заявления министра сельского хозяйства о том, что Великобритания не вправе остановить экспорт в другие страны Евросоюза.

Хотя кампании против экспорта живых сельскохозяйственных животных, против стойл для телят и свиноматок и против клеточных батарей для кур необходимы для того, чтобы прекратить страдания, которые ежедневно испытывают миллионы этих животных, такие кампании строятся на вполне традиционных представлениях о статусе животных. Так, противники экспорта живых сельскохозяйственных животных требуют забивать их рядом с теми местами, где они выросли. Они не оспаривают саму идею выращивания и забоя животных на мясо. Чтобы

² *The Independent*, 31 May 1994.

идеи освобождения животных действительно вышли на первый план, эти реформистские кампании должны вылиться в более широкое движение, которое борется с предрассудками, заставляющими людей ставить интересы других видов ниже интересов *Homo sapiens*.

Менять отношение к другим видам можно по-разному. Один из способов – поощрять вегетарианство и отказ от жестокости, насколько это возможно. Рост числа вегетарианцев в таких странах, как Великобритания и США, уже серьезно угрожает мясной промышленности. В 1971 году, став вегетарианцем, я фактически оказался членом маленькой секты чудаков – даже лучший вегетарианский ресторан в Лондоне назывался тогда *Cranks* («Чудаки»). Сегодня вегетарианцы далеки от этого образа: мы совершенно обычные люди, которые беспокоятся о животных, об окружающей среде и о собственном здоровье. На вегетарианцев ориентируется все больше магазинов и ресторанов, а крупнейшие сети общепита начали продавать бургеры с тофу и прочие вегетарианские блюда. Благодаря этому другим людям становится проще отказаться от мясоедения – и так формируется положительная обратная связь.

Еще одна, совершенно иная стратегия, направленная на изменение мнения об особой важности людей по сравнению с другими животными, – проект «Большие человекообразные обезьяны», основанный мною и Паолой Кавальери, участницей нашего движения из Италии. Этот проект – попытка расширить круг существ, которые должны наделяться определенными базовыми правами. На данный момент в этот список входят только все человеческие существа. Тот факт, что в нем оказались *все* люди, говорит о прогрессе по сравнению с рабовладельческим периодом; тот факт, что в нем пока *только* люди, – свидетельство того, что нам все еще есть к чему стремиться. Проект «Большие человекообразные обезьяны» призван пробить историческую брешь в межвидовом барьере. В частности, мы требуем признать право на жизнь, свободу и защиту от пыток за гориллами, шимпанзе и орангутанами. Это требование подкрепляется сборником статей 34 видных ученых, философов и других авторов, где приведены свидетельства разумности больших человекообразных обезьян, доказывающие, что к ним нужно относиться как к личностям, а не как к вещам³. Результатом должны стать изменения в законодательстве и принятие Декларации прав больших обезьян ООН.

Некоторые из тех, кто слышал о моем участии в этом проекте, спрашивают, не говорит ли это о сужении моей позиции по сравнению с заявленной в первом издании «Освобождения животных» и заключающейся в том, что у всех чувствующих существ есть свои потребности и что эти потребности должны ставиться не ниже потребностей человека. Ответ определенно отрицательный. Ученые, исследовавшие крупных обезьян в дикой природе, такие как Джейн Гудолл, Дайан Фосси, Бируте Галдикас, Роджер и Дебора Фоутс, Франсин Паттерсон, Сью Сэведж-Рамбо и Лин Майлс (все они обучали обезьян человеческому языку жестов для коммуникации), показали в своих работах, что шимпанзе, гориллы и орангутаны – это мыслящие и обладающие самосознанием существа, способные к планированию, формирующие устойчивые социальные связи и живущие богатой социальной и эмоциональной жизнью. Таким образом, большие обезьяны – это идеальный пример, демонстрирующий произвольность межвидовой границы. Если мы считаем, что все человеческие существа, независимо от возраста и душевного состояния, обладают некими основными правами, то как можно отрицать, что большие обезьяны, превосходящие по способностям многих людей, тоже должны иметь такие же права? Более того, наделение больших обезьян правами не нанесет ущерба ни одной из крупных отраслей и никак не скажется на рационе большей части населения Земли (в отличие от ситуации, если бы права получили все животные). Таким образом, если попытки добиться равных с человеком прав для сельскохозяйственных животных неизбежно сведутся к политическим уступкам в плане улучшения условий жизни или смерти этих животных, а не к пересмотру нашего отношения к ним как к средству достижения собственных целей, то проект

³ Paola Cavalieri and Peter Singer, *The Great Ape Project*, London, Fourth Estate, 1993.

«Большие человекообразные обезьяны» может претендовать на решение более фундаментальных задач. Если нам удастся впервые в истории включить представителей отличного от нас вида в число существ, за которыми мы признаем базовые права, то проект «Большие человекообразные обезьяны» послужит мостом между людьми и другими видами. В результате задача наделяния равными правами и других видов животных станет более осуществимой. Нашу книгу «Проект “Большие человекообразные обезьяны”» мы с Паолой Кавальери заканчиваем так:

...распространение моральных прав на всех крупных обезьян – задача не из легких. Если ее удастся решить, это сразу же принесет существенную пользу всем шимпанзе, гориллам и орангутанам мира. Но еще большим будет символическое значение этого акта как первого прорыва межвидового барьера.

Итак, проект «Большие человекообразные обезьяны» – это попытка уменьшить пропасть между людьми и другими животными. Он призван дополнить, а не заменить собой борьбу за права животных в более широком понимании.

Прежде чем завершить это предисловие, упомяну еще об одной проблеме, которой не существовало в момент первой публикации книги, но которую необходимо рассмотреть сейчас, поскольку она постоянно привлекает внимание СМИ в контексте движения за права животных. Это проблема насилия.

Стремясь приблизить освобождение животных, активисты прибегают к разным методам. Одни просвещают общество, раздавая брошюры и направляя письма в газеты. Другие пытаются воздействовать на правительственных чиновников и своих представителей в парламенте или конгрессе. Группы активистов проводят демонстрации и акции протеста у предприятий, где животных подвергают страданиям ради удовлетворения ничтожных человеческих потребностей. Но многие недовольны медленным прогрессом, достигаемым подобными мерами, и хотят перейти к прямым действиям, чтобы прекратить страдания «здесь и сейчас».

Никто из тех, кто понимает, что приходится испытывать животным, не может осудить подобное нетерпение. В ситуации непрекращающейся жестокости кажется недостаточным сидеть в кресле и писать письма – хочется помочь животным немедленно. Но как? Обычные законные способы политического протеста небыстры и ненадежны. Не стоит ли просто выломать двери и освободить животных? Это незаконно – но требования соблюдать закон не безусловны. В конце концов, закон преступали и те, кто помогал беглым рабам на американском Юге. Более серьезная проблема состоит в том, что буквальное освобождение животных из лабораторий и с промышленных ферм может стать разве что символическим жестом: исследователи просто закажут новую партию животных, а тысячи свиней или сотни тысяч кур с сельскохозяйственных предприятий едва ли найдут себе новое пристанище. Рейды групп «Фронта освобождения животных» в ряде стран были более эффективными, когда активистам удавалось получить доказательства жестокого обращения, которые иначе не стали бы известны общественности. Например, при вторжении в лабораторию доктора Томаса Дженнарелли из Пенсильванского университета были похищены видеопленки, которые убедили даже министра здравоохранения и социальных служб в необходимости прекратить жестокие эксперименты. Трудно представить, чтобы этого удалось добиться какими-то другими способами, так что мне не остается ничего иного, как поблагодарить тех смелых, чутких и неравнодушных людей, которые спланировали и провели эту акцию.

На другие незаконные действия я смотрю совершенно иначе. В 1982 году группа, именующая себя «Ополчением за права животных», отправляла Маргарет Тэтчер бандероли со взрывчаткой; в 1988 году активистка Фрэн Тратт была арестована при попытке заложить бомбу в здание *U.S. Surgical Corporation* – компании, которая демонстрировала применение хирургических инструментов на живых собаках. Самый серьезный случай произошел в 1990 году, когда бомба была заложена в машину ученого из Бристоля, проводившего опыты на животных.

Сам экспериментатор отделался незначительными травмами, а маленькому мальчику, которого в момент взрыва везли мимо машины в детской коляске, потребовались операции по извлечению куска металла, застрявшего в его теле рядом с позвоночником, и восстановлению пальца. Ни один из этих инцидентов нельзя считать сколь-нибудь характерным для движения за права животных, участники которого единодушно осуждают подобное насилие. Однако такие акции могут расцениваться как крайние проявления угроз экспериментаторам, меховщикам и другим эксплуататорам животных, поэтому важно, чтобы все движение четко выразило свою позицию по отношению к ним.

Даже если незначительное число представителей движения попытается достичь целей путем насилия, это станет трагической ошибкой. Некоторые считают, что люди, заставляющие животных страдать, сами заслуживают страданий. Я не верю в месть, но даже если бы и верил, такая позиция опасным образом отвлекла бы нас от главной цели – прекращения страданий. Чтобы достичь ее, мы должны повлиять на мнение разумных представителей нашего общества. Мы можем считать, что человек, мучающий животных, порочен и бессердечен, однако мы сами опустимся до его уровня, если нанесем ему физический вред или даже пригрозим этим. Насилие порождает только новое насилие – эту банальную истину уже подтвердил ряд конфликтов по всему миру. Сила движения за права животных – в этичности его позиции: мы находимся на более высокой нравственной ступени, и спуститься с нее значило бы сыграть на руку нашим оппонентам.

Альтернатива насилию – следование пути величайших и, что неудивительно, самых успешных лидеров освободительных движений прошлого века: Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. С невероятной храбростью и решительностью они придерживались принципа ненасилия, несмотря на все провокации и жестокие нападения. Эти лидеры преуспели, потому что справедливость дела, за которое они стояли, была очевидной, а их поведение заставляло задуматься даже их противников. Несчастья, которые мы причиняем другим видам, тоже трудно отрицать, если внимательно присмотреться к ситуации; и именно в справедливости нашего дела, а не в страхе перед бомбами заключается залог будущего успеха.

Благодарности

БЛАГОДАРИТЬ ТЕХ, КТО ПОМОГ НАПИСАТЬ КНИГУ, – обычное дело, но в данном случае мои благодарности носят особый характер, так что мне придется рассказать о них поподробнее.

Осенью 1970 года я был магистрантом Оксфордского университета. Хотя я специализировался на моральной и социальной философии, мне, как и большинству людей, не приходило в голову, что наши отношения с животными представляют серьезную моральную проблему. Конечно, я знал о случаях жестокого обращения с животными, но считал их скорее эпизодическими злоупотреблениями, чем проявлениями принципиально неверного подхода.

Моя убежденность поколебалась, когда я познакомился со студентом Оксфорда Ричардом Кешеном, который был вегетарианцем. За обедом я спросил его, почему он не ест мяса, и он начал рассказывать об условиях выращивания животных, плоть которых я поедал. Через Ричарда и его жену Мэри мы с моей женой познакомились со Стэнли и Розлинд Годлович – тоже вегетарианцами, изучавшими философию в Оксфорде. В ходе долгих бесед с этой четверкой – в особенности с Розлинд Годлович, чья этическая позиция была всесторонне обоснованной, – я осознал, что употребление в пищу мяса делает меня причастным к систематической форме угнетения других видов моим собственным. Ключевые идеи этой книги почерпнуты именно из тех разговоров.

Прийти к теоретическому выводу – одно дело; претворить его в жизнь – совсем другое. Без поддержки и одобрения со стороны моей жены Ренаты, которая тоже осознала правоту наших друзей, я, быть может, до сих пор ел бы мясо, хотя и с чувством вины.

Идея написать книгу возникла после живого отклика на мою рецензию на книгу «*Animals, Men and Morals*» («Животные, люди и мораль») под редакцией Стэнли и Розлинд Годлович и Джона Харриса. Рецензия вышла 5 апреля 1973 года в журнале *New York Review of Books*, и я благодарен его редакторам, которые опубликовали присланный мною текст о книге по непопулярной теме. Однако та рецензия никогда бы не переросла в отдельную книгу без помощи и поддержки следующих людей:

Элинор Силинг из нью-йоркской организации *United Action for Animals* предоставила мне доступ к уникальному собранию документов по теме использования животных в экспериментах; резюме отчетов экспериментаторов, выполненные Алоисом Аковицем, позволили мне найти необходимые материалы за считанные минуты.

Ричард Райдер великодушно поделился со мной материалами, которые собрал для своей книги «*Victims of Science*» («Жертвы науки»).

Джоанна Боуэр из *Farm and Food Society* (Лондон) предоставила мне информацию об условиях содержания сельскохозяйственных животных в Великобритании.

Кэтлин Джаннауэй из британского «Веганского общества» помогла с поиском отчетов о пищевой ценности растений.

Джон Нортон из «Лиги спасения животных» (Бостон) и Марта Коу из *Argus Archives* (Нью-Йорк) снабдили меня материалами о транспортировке и забое животных в США.

Шотландское общество против вивисекции помогло получить фотографии экспериментов на животных.

Дадли Гиль из *Animal Liberation* (Нью-Йорк) позволил использовать собранные им материалы по проблемам интенсивного сельского хозяйства и вегетарианства.

Элис Херрингтон и Джойс Ламберт из нью-йоркской организации «Друзья животных» помогали в решении многих вопросов, а их коллега Джим Мейсон оказывал содействие в посещении ферм с интенсивными методами ведения сельского хозяйства.

Благодаря предложению временно читать лекции на философском факультете Нью-Йоркского университета в 1973/74 учебном году я обрел потрясающую атмосферу и идеальное место для научной работы и написания книги, где коллеги и студенты делились со мной важными комментариями и критическими отзывами. Я также получил возможность представить свои тезисы на суд студентов и преподавателей философских факультетов в Университете Брауна, Фордемском университете, Университете Лонг-Айленда, Университете штата Северная Каролина в Рэли, Ратгерском университете, Университете штата Нью-Йорк в Брокпорте, Университете штата Нью-Йорк в Стони-Бруке, Университете Тафтса, Калифорнийском университете в Беркли, Университете Майами и Колледже Уильямса; а также в Йельской юридической школе и на встрече Общества философии и обществоведения Нью-Йорка. Первая и шестая главы этой книги во многом навеяны дискуссиями и вопросами, следовавшими за моими выступлениями.

Наконец, я хочу поблагодарить за поддержку этой книги редакторов и издателей *New York Review of Books*, в особенности Роберта Сильверса, чьи разумные редакторские советы помогли значительно улучшить черновой вариант. Остается добавить, что ответственность за все незамеченные ошибки и неточности лежит только на мне.

П. С.

Февраль 1975 года

Благодарности к новому изданию

В ПОДГОТОВКЕ НОВОГО, дополненного издания мне помогало так много людей со всего мира, что мне придется упомянуть здесь не всех, за что я приношу свои извинения. Иногда помощь заключалась в чтении черновых редакций, иногда – в пересылке материалов, позволявших мне быть в курсе ситуации в разных странах. Вот неполный список этих людей (порядок не имеет значения): Дон Барнс и Мелинда Морленд из Американского национального общества против вивисекции; Алекс Хершафт из *Farm Animal Reform Movement*; Макдональд Уайт и Энн Сен-Лоран из *United Action for Animals*; Джойс Д'Силва и Кэрол Лонг из *Compassion in World Farming*; Клэр Дрюс и Вайолет Сполдинг из *Chickens' Lib*; Генри Спира из *Animal Rights International*; Брэд Миллер из *Humane Farming Association*; Ким Столлвуд и Карла Беннетт из организации «Люди за этическое обращение с животными»; Питер Хэмилтон из *Lifeforce*; Мария Комнину из Энн-Арборской ассоциации за ответственное обращение с животными; Джордж Кейв из *Trans-Species Unlimited*; Паола Кавальери из *Etica & Animali* (Милан); Биргитта Карлссон из Шведского общества против болезненных экспериментов на животных; Детлеф Фольш из Института зоологических исследований Швейцарского федерального технологического института; Чарльз Мейгел, Джон Роббинс, Ричард Райдер, Клайв Холландс и Джим Мейсон.

Отдельно я благодарю Лори Груэн, которая выступила координатором в США, собрала новый материал и помогла мне обновить содержание глав об экспериментах и промышленном сельском хозяйстве. Она также сделала множество ценных замечаний после прочтения черновой версии книги. Лори, в свою очередь, помимо вышеперечисленных, благодарит следующих людей, предоставивших ей сведения: Дайан Халверсон из *Animal Welfare Institute*; Ави Магидоффа, Джеффа Дайнера и Мартина Стивенса, чьи работы по проблемам экспериментов на животных в США оказались бесценным источником информации; Кена Ноулза и Дейва Маколея.

Внести правки в главу о промышленном животноводстве мне во многом помог отчет о промышленном сельском хозяйстве, подготовленный с большой скрупулезностью и безупречной научной точностью Сьюзен Поуп и Джеффом Расселом для Австралийской и Новозеландской федерации обществ защиты животных. Рассуждая о рыбе и рыбной ловле, я опирался на другой великолепный отчет, подготовленный Пэтти Марк для австралийской организации *Animal Liberation Victoria*.

Наконец, я вновь благодарю *New York Review of Books*, и в частности Роберта Сильверса – за поддержку идеи нового издания и применение выдающихся критических навыков в процессе редактуры; Ри Хедермана, руководившего публикацией; и Нила Гордона, который проверял верстку с пристальным вниманием к деталям.

П. С.

Ноябрь 1989 года

Глава 1

Все животные равны

**или Почему этические принципы, лежащие в
основе человеческого равноправия, требуют от нас
распространить эти самые принципы и на животных**

СЛОВА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ» могут показаться скорее пародией на названия других освободительных движений, чем формулировкой серьезной цели. Идея прав животных уже использовалась для высмеивания требований предоставить права женщинам. Когда Мэри Уолстонкрафт, предшественница современных феминисток, в 1792 году опубликовала свою книгу «В защиту прав женщин», ее взгляды многим показались абсурдными, а вскоре появилась анонимная публикация под названием «В защиту прав зверей». Автор этого сатирического памфлета (сейчас известно, что им был Томас Тейлор, известный философ из Кембриджа) попытался опровергнуть аргументы Мэри Уолстонкрафт, показав, как их можно расширить: если требование равных прав для женщин справедливо, то почему бы не распространить его на собак, кошек и лошадей? Те же аргументы справедливы и в отношении зверей; но ведь заявлять, что животные должны иметь права, – очевидная нелепость! А значит, нужно признать, что посылы, которые привели к такому умозаключению, должны быть ложными; а если они ложны применительно к животным, то ложны и по отношению к женщинам, ведь в обоих случаях аргументы одни и те же.

Чтобы объяснить, зачем добиваться равноправия для животных, полезно для начала вспомнить о борьбе за женское равноправие. Предположим, что мы хотим защитить эту идею от нападок Томаса Тейлора. Как мы должны ему ответить?

Первый вариант – заявить, что требование равных прав для мужчин и женщин не может быть разумным образом расширено на представителей других видов. Например, у женщин есть право голоса, поскольку они так же, как и мужчины, способны принимать рациональные решения относительно будущего; собаки же, напротив, не в состоянии понять важности голосования, поэтому на них право голоса распространяться не должно. Есть и другие очевидные случаи, в которых мужчины и женщины почти не отличаются друг от друга, а между людьми и животными наблюдаются значительные различия. Поэтому можно сказать, что мужчины и женщины – это очень похожие существа, а значит, они должны обладать одинаковыми правами, в то время как люди и животные серьезно друг от друга отличаются, а потому о равенстве прав в этом случае говорить не приходится.

Такой ответ Тейлору по-своему разумен, но недостаточно глубок. Разумеется, между людьми и другими животными есть значительные различия, и из этого должны вытекать некоторые различия в их правах. Признание этого очевидного факта, однако, не мешает распространить базовый принцип равноправия на других животных. Едва ли кому-то придет в голову отрицать существование различий между мужчинами и женщинами, и сторонники женского равноправия понимают, что эти различия могут обуславливать различия в правах. Многие феминистки считают, что женщины должны иметь безусловное право на аборт; но это не значит, что если те же феминистки выступают за равноправие мужчин и женщин, то они обязаны поддерживать и мужское право на аборт. Поскольку мужчина физически не может сделать аборт, бессмысленно заявлять о его праве на это. Поскольку собаки не могут голосовать, глупо рассуждать об их праве голоса. Борцам за права женщин или права животных абсолютно незачем заниматься подобной чепухой. Распространение базового принципа равноправия с одной

группы на другую не предполагает, что мы должны совершенно одинаково относиться к обеим группам или наделять их абсолютно одинаковыми правами. Все зависит от того, кто входит в эти группы. Базовый принцип равноправия не подразумевает равного или идентичного *обращения* с группами; он подразумевает равное внимание к ним. Равный учет интересов разных существ вполне может вести к разному обращению с ними и различным правам.

Итак, существует иной способ пресечь попытку Тейлора свести к абсурду борьбу за права женщин – при этом мы не отрицаем очевидных различий между людьми и животными, но глубже подходим к вопросу равноправия и не находим в итоге ничего абсурдного в идее применения базового принципа равноправия к зверям. На первый взгляд такой вывод может показаться странным, но если внимательнее присмотреться к аргументам, на которых строятся наши возражения против расовой или половой дискриминации, то станет ясно: требуя равных прав для чернокожих, женщин и других угнетаемых групп людей и вместе с тем отказывая в равноправии животным, мы встаем на скользкую дорожку. Чтобы понять это, нужно для начала разобраться, почему именно неприемлемы расизм и сексизм. Что мы имеем в виду, когда говорим о равноправии всех людей, независимо от расы, вероисповедания и пола? Защитники иерархических, недемократических обществ часто ссылаются на то, что любые тесты показывают: люди вовсе не одинаковы и не равны. Нравится нам это или нет, но факты налицо: все люди обладают разным ростом и формой тела, у них разные моральные и интеллектуальные качества, в разной степени развиты великодушие и чуткость к потребностям других, разные навыки общения и способность испытывать боль или удовольствие. Иными словами, если бы требования равноправия были основаны на истинном равенстве всех людей, нам пришлось бы прекратить борьбу за равные права.

На это можно возразить, что требование равноправия всех людей основано на действительном равенстве различных рас и полов. Хотя каждый человек чем-то отличается от остальных, между полами и расами как таковыми нет принципиальных различий. Из того, что некий человек – чернокожий или женщина, мы не можем сделать никаких предположений о его интеллектуальных или моральных качествах. Стало быть, именно поэтому расизм и сексизм неприемлемы. Белый расист будет утверждать, что белые превосходят черных, но это не так; хотя между отдельными людьми наблюдаются различия, многие чернокожие превосходят многих белых по всем значимым способностям и возможностям. Тот же аргумент может привести и противник сексизма: пол человека не дает оснований судить о его способностях, поэтому дискриминацию по половому признаку нельзя оправдать.

Однако существование индивидуальных различий, выходящих за рамки расы или пола, делает нашу позицию уязвимой к нападкам более изощренных противников равенства, которые, например, предлагают, чтобы интересам людей с IQ ниже 100 придавалось меньше значения, чем интересам людей с IQ выше 100. Скажем, те, кто набрал меньше определенной суммы баллов, при этом могли бы стать рабами тех, кто показал лучшие результаты. Будет ли иерархическое общество, организованное подобным образом, лучше общества, основанного на расизме и сексизме? Полагаю, нет. Но если мы увязываем моральный принцип равноправия с фактическим равенством разных рас и полов, рассматриваемых как единое целое, наши аргументы против расизма и сексизма не дают нам основания возражать против модели неравноправия, описанной выше.

Есть и другая важная причина, по которой не следует основывать борьбу с расизмом и сексизмом на фактическом равенстве любого толка, даже на утверждении, что способности и возможности равномерно распределяются по всем расам и обоим полам: у нас нет четких доказательств того, что эти способности и возможности и впрямь распределяются равномерно и действительно не зависят от расы и пола. Если говорить о реальных способностях людей, то здесь налицо заметные различия как по расам, так и по полам. Эти различия, разумеется, наблюдаются далеко не всегда: речь идет лишь о средних значениях. Важнее то, что мы пока

не знаем, насколько эти различия обусловлены разным генетическим наследием рас и полов и в какой степени – плохими школами, жилищными условиями и другими факторами, связанными с дискриминацией в прошлом и настоящем. Возможно, со временем выяснится, что все ключевые различия вызваны не генетикой, а особенностями внешней среды. Любой противник расизма и сексизма будет надеяться на это, поскольку такой факт значительно упростил бы задачу прекращения дискриминации; и все же основывать борьбу с расизмом и сексизмом на убеждении в приобретенном характере межрасовых и межполовых различий весьма опасно. Например, противники расизма, занявшие такую позицию, будут вынуждены признать, что расизм имеет некоторые основания, если окажется, что различия в способностях представителей разных рас хотя бы отчасти обусловлены генетикой.

К счастью, нет необходимости ставить борьбу за равноправие в зависимость от исхода научных исследований. В ответ на возможные заявления о найденных доказательствах генетической природы различий в способностях людей разных рас и полов было бы неправильно фанатично утверждать, что генетики ошибаются. Вместо этого лучше четко понимать, что требование равноправия не обусловлено умственными способностями, моральными качествами, физической силой или другими подобными критериями. Равноправие – это нравственная идея, а не констатация факта. Нет логически убедительной причины считать, что фактические различия в способностях двух людей оправдывают какие бы то ни было различия в уважении их потребностей и интересов. *Принцип равноправия всех людей – это не провозглашение якобы действительного равенства между ними, а предписание к тому, как следует обходиться со всеми людьми.*

Иеремия Бентам, основатель утилитаристского направления моральной философии, включил основной принцип морального равенства в свою этическую систему посредством формулы: «Каждый считается за одного, и не более чем за одного». Иными словами, интересы каждого существа, которого затрагивает то или иное действие, должны учитываться в той же мере, что и интересы любого другого существа. Сторонник утилитаризма Генри Сиджвик изложил этот принцип следующим образом: «С точки зрения Вселенной (если так можно выразиться) благо каждого индивида имеет не большее значение, чем благо любого другого». Позднее ведущие представители современной моральной философии единодушно указывали в качестве исходной предпосылки своих теорий схожий тезис: интересы каждого должны учитываться в равной степени (хотя этим авторам, как правило, не удавалось договориться о формулировках этого принципа⁴).

Принцип равноправия предполагает, что наше уважение к другим и забота об их интересах не должны зависеть от того, что собой представляют эти другие и какими способностями они обладают. Конкретные проявления уважения и заботы зависят от характеристик тех, на кого могут повлиять наши действия: забота о благополучии американских детей состоит в том, чтобы научить их читать; забота о благополучии свиней – в том, чтобы поселить их вместе с другими свиньями там, где будет достаточно еды и места для вольного выпаса. Но главное условие – учет интересов других, какими бы ни были эти интересы, – должно, согласно принципу равенства, распространяться на всех существ: черных и белых, мужского и женского пола, людей и животных.

⁴ О моральной философии Бентама можно подробнее узнать из его «Введения в основания нравственности и законодательства», а о взглядах Сиджвика – из «Методов этики». В качестве примеров современных философов, рассматривающих проблемы морали и равноправия, можно привести R.M. Hare, *Freedom and Reason* (New York: Oxford University Press, 1963) и John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge: Harvard University Press, Belknap Press, 1972). О важной договоренности, достигнутой по этому вопросу между представителями разных позиций, см. R. M. Hare, «Rules of War and Moral Reasoning», *Philosophy and Public Affairs* 1 (2) (1972).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.